

Селиванов В.В. Вклад А.В. Брушлинского в понимание психологической природы мышления //Психологический журнал, 2003. - Т. 24. - № 2. - С. 107-113.

ВКЛАД А.В. БРУШЛИНСКОГО В ПОНИМАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ МЫШЛЕНИЯ.

В.В. Селиванов

Доктор психол. наук, декан факультета психологии Смоленского гуманитарного университета

В статье рассматривается вклад выдающегося отечественного психолога А.В. Брушлинского в разработку базовых проблем современной психологии мышления. Проанализированы его взгляды на сущность мышления, приводятся обобщения результатов его многолетних экспериментальных исследований процесса решения личностью задач. Определены основные принципы анализа и исследования мышления в научной школе А.В. Брушлинского.

Ключевые слова: мышление как процесс, прогнозирование, условие и требование задачи, континуально-генетический метод, немгновенный инсайт, субъектно-деятельностный подход.

Самые ранние работы А.В. Брушлинского (начиная с кандидатской диссертации) были посвящены психологии мышления. Это вполне закономерное явление, характеризующее его личностные особенности как выдающегося ученого, который всю жизнь исследовал сложные, животрепещущие проблемы психологии, логики, философии, гносеологии. Он изначально был методологом психологии, блестяще знающим философию, глубоко вникающим в проблематику кибернетики, теорий искусственного интеллекта, современного математического моделирования. Вероятно, способность и тяга к предельным обобщениям, жажда решения наиболее

фундаментальных проблем психологии (социальной природы человеческой психики, соотношения коллективного и индивидуального, биологического и социального в психическом, сущности психического отражения и др.), находящихся в центре внимания большинства крупнейших советских и зарубежных психологов, предопределили его линию исследований – изучение психологической природы мышления. Андрей Владимирович прекрасно понимал, что человеческое мышление является высшим продуктом эволюции и без научного анализа его психологических механизмов невозможно целостно обсуждать ни одну важнейшую методологическую и теоретическую проблему психологического знания. Поэтому в его работах психология мышления – это «живая», интересная область, непосредственно связанная с решением самых сложных этических, мировоззренческих, практических вопросов, это фокус личностного бытия, в котором отражается все психологическое мироздание.

В первые годы становления советской психологии перед учеными с особой остротой стояла задача преобразования «старой», дореволюционной, идеалистической психологии в «новую», построенную на основе диалектического и исторического материализма. Одной из важнейших проблем для психологии (в те годы имеющей идеологический и политический оттенки) стала проблема выявления специфики человеческой психики, человеческого способа бытия. В целом эта проблема выступала в качестве производной по отношению к более общей задаче изучения с позиций психологии возникновения и антропогенеза сознания, описания тех коренных изменений психического, которые способствовали становлению общественного бытия человека и появились под влиянием жизни личности в обществе. Данная проблематика становится одной из центральных в работах 30-50-ых годов С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова и др. отечественных психологов. Она не потеряла актуальности и в настоящее время.

В своей первой монографической работе «Культурно-историческая теория мышления» (1968 г.) А.В. Брушлинский выделяет два основных, наиболее разработанных в теоретическом отношении подхода к изучению социально-исторической природы человеческой психики. Первый – «культурно-историческая теория» Л.С. Выготского, второй – деятельностная концепция С.Л. Рубинштейна. В этой работе А.В. Брушлинский на основе детального и систематического рассмотрения недостатков культурно-исторической теории мышления более широко разрабатывает целый ряд положений С.Л. Рубинштейна о природе человеческого мышления.

Прежде всего, им была обоснована односторонность знаково-центристской точки зрения на сущность человеческого мышления и показаны ее методологические неточности. В 30-е годы некоторые психологи, правильно определив феноменологическую зону возникновения именно человеческого бытия по отношению к животному, осуществляли неадекватную ее интерпретацию. Этой зоной является наличие и использование личностью речи, слов, знаков и значений (как заместителей реальности). Словесный знак и его значение выступали специфической особенностью человека, позволяющей ему выделиться из животного мира, и определяли состав, функционирование его мыслительной активности, в конечном итоге - поведения. Например, для Л.С. Выготского в разные периоды его творчества знак (без значения), знак и его значение, значение (без знака) – это особые средства (орудия) психического, которые обеспечивают функционирование высших форм мышления, свойственных человеку (1, с.17). Такого рода психические орудия качественно преобразуют психику, превращая ее в сознательную активность. Здесь прослеживается содержательная (но не историческая) аналогия с марксистским пониманием роли орудий (средств) труда в возникновении осознанных форм бытия, социума в целом. А.В. Брушлинский указывал, что при таком подходе «мышление трактуется прежде всего как оперирование словом или другим

знаком, в значительно меньшей степени учтено, что оно есть оперирование объектами, определенными в понятиях» (1, с.25).

В этой работе А.В. Брушлинским последовательно реализуется «процессуальный» подход к мыслительной активности, который позволяет избежать методологических погрешностей при решении многих центральных проблем психологии. Исходным в мышлении человека является непрерывное взаимодействие субъекта с познаваемым объектом. В дальнейшем Андрей Владимирович подчеркивает именно слово «непрерывное», и не случайно. Когда в теоретической интерпретации мы придаем решающее значение не взаимодействию личности с объектом, а, например, со знаковым средством и др., такие взгляды становятся основой чрезмерного противопоставления субъективного и объективного, общественного и индивидуального, основой субъективизма в науке. На примере блестящего и предельно тщательного анализа проблем мышления (в частности, соотношения житейских и научных понятий) в «Культурно-исторической теории мышления» А.В. Брушлинский показал истоки того, что в последующих работах будет названо им «тройным дуализмом» (4, 7 и др.). Тройной дуализм был свойственен в 30-е годы различным психологическим школам и направлениям, часто встречается сегодня и выражается в чрезмерном противопоставлении внешнего и внутреннего, социального и биологического, коллективного и индивидуального. Для этой позиции характерно также и смешение парных понятий, неоправданная подмена одних другими. Например, все внешнее отождествляется с социальным и коллективным.

Вероятно, важным вкладом обсуждаемой работы в общепсихологическую теорию мышления является не только верная постановка базовых проблем психологии мышления и контуры их решения, но и то, что Андрей Владимирович продемонстрировал пример нового способа (типа) мышления, который он будет рассматривать в более поздних своих трудах, в частности в монографии «Мышление и прогнозирование». Здесь уже в самом начале книги

выделены два главных способа мышления, лежащие в основе двух различных подходов в психологии (3). Первый - *дизъюнктивный*, базирующийся на формальной, математической логике, где полярные диалектические категории противопоставлены друг другу, взаимоисключают одна другую и т.д. Второй подход, *недизъюнктивный*, характеризуется принципиально иным осмыслением психологической реальности, исходя из диалектической логики и основного механизма мышления - анализа через синтез. Второй уровень и способ мышления является более высоким и отражает объект в его целостности и развитии, в совокупности разных свойств и отношений (даже противоположных).

Недизъюнктивный способ мышления позволил А.В. Брушлинскому более глубоко развить теорию мышления как процесса, основы которой были заложены его учителем – С.Л. Рубинштейном. Заслуга Андрея Владимировича заключается, прежде всего, в том, что он отчетливо и детально определил саму онтологию психологии мышления, показал, что в мышлении выступает предметом именно психологического анализа. Уже в монографии «Психология мышления и кибернетика» он сопоставляет три важнейших в те годы подхода к исследованию мыслительной активности: 1) философско-логический; 2) кибернетический; 3) психологический (2, с.7). В целом им было показано, что для других наук не характерно изучение самого глубинного пласта функционирования мышления – его процессуальной основы. Философы, трактуя мышление, определяют его общее отношение к бытию, гносеологическое содержание познавательной деятельности личности и др. Для логики приоритетным в мышлении выступают его продукты – формы, способы построения суждений. Представители кибернетики изучают мышление, отображая дизъюнктивные связи его компонентов средствами математики. Большинство математических моделей мышления строится по принципу изоморфизма, при этом не учитываются диалектические отношения между образом и объектом. А.В. Брушлинский считал, что кибернетическая машина

никогда не сможет мыслить. Он убедительно обосновывал эту свою точку зрения, раскрывая специфически человеческие, субъектные особенности мысли. К ним он относил изначально творческую природу мышления, в отличие от компьютера и ЭВМ. В своем определении мышления, ставшем классическим, он подчеркивал, что мышление – это «социально обусловленный, неразрывно связанный с речью психический процесс поисков и открытия существенно нового...» (16; с.322). Многие тогда не понимали его, упрекая в сужении понятия «мышление». Тем не менее, его взгляды выдержали испытание временем. Действительно, каждый человек открывает существенно новое, хотя бы субъективно новое, иначе он не мыслит. Креативность самого обычного, даже житейского мышления, столь блестяще раскрытая А.В. Брушлинским, является его специфическим отличием от других познавательных процессов и функций.

Многие философы и психологи в пору «кибернетического бума» отрицали возможность создания искусственного интеллекта, искусственного мышления. Например, другой выдающийся отечественный психолог О.К. Тихомиров вместе с сотрудниками устанавливает чрезвычайно важные функции человеческих эмоций в осуществлении познания. Он открывает предвосхищающие эмоции (наряду с констатирующими), которые вместе с мыслительными операциями непосредственно участвуют в отыскании решения задачи (15). Это открытие позволило рассматривать отсутствие эмоций у компьютера как мощный барьер на пути создания искусственного мышления. Брушлинский же проделывает гораздо более «тонкую» в теоретическом отношении работу – он выявляет особые свойства самих мыслительных схем, умственных действий, которые на современном уровне математики не поддаются моделированию и лишают машину возможности думать. К этим свойствам относятся неизоморфность, неаддитивность, холистичность (порождение нового в процессе функционирования), недизъюнктивность и др. В целом данные характеристики мышления объединяются для А.В.

Брушлинского в один, общий термин – «процессуальность мышления». Мы видим главный его вклад в теорию мышления именно в разработке процессуальной природы мышления.

Процесс мышления в работах А.В. Брушлинского – это не просто указание на динамику, временную развертку, постоянное развитие мышления, это парадигма, целостный подход к изучению мыслительной деятельности.

Процессуальность понимается им как: 1) более глубокий уровень осуществления деятельности; 2) онтологический способ существования психического с его недизъюнктивностью, неизоморфностью, континуальностью, неаддитивностью и др.; 3) определенное соотношение внешних и внутренних условий в функционировании психического. Процессуальность мышления отражает, прежде всего, его глубинное психологическое содержание. Основываясь на положении С.Л. Рубинштейна о том, что составляющие мыслительной активности – и деятельность, и процесс, А.В. Брушлинский развивает эту фундаментальную идею. Мышление как деятельность – особый уровень функционирования и изучения мышления, содержанием которого является операционный состав мыслительной активности. Этот термин соотносится с понятием «мышление как процесс». Мышление как деятельность характеризует мыслительную активность в качестве познавательной деятельности и образует ее личностный план. А.В. Брушлинский писал, что «мышление выступает в личностном (прежде всего мотивационном) плане в тех случаях, когда специально изучают мотивы и вообще отношение человека к мыслительным задачам, которые он решает...» (6, с.29). При исследовании этого уровня мышления рассматривается, прежде всего, мотивация мыслительного поиска (познавательная и неспецифическая), познавательные цели, которые ставит перед собой субъект, умственные действия (мыслительные операции), с помощью которых личность осуществляет решение задачи. Целостная теория операционального состава мышления и интеллекта была развита Ж. Пиаже. Такие свойства мыслительных

операций, как парность, наличие системы, обратимость, координация, «ассоциативность» композиции операций и т.д., являются качественной спецификой мыслительной деятельности. Существенный вклад в разработку мышления как деятельности был внесен О.К. Тихомировым и его сотрудниками. В их исследованиях показано, что процесс формирования умственных действий при решении задачи включает в себя взаимодействие различных смысловых образований человека, составляющих динамическую систему. Смысл выполнения задания для субъекта отражается в достижении промежуточных целей, становится основой построения ментального действия. А.В. Брушлинский всегда изучал мышление как деятельность в соотношении с мышлением как процессом. Процесс мышления первичен по отношению к сформированным умственным действиям, операциям, которые в нем порождаются и функционируют.

Мышление как процесс – это определенный уровень функционирования и изучения мышления, содержанием которого являются умственные процессы (анализ, синтез, обобщение и др.), приводящие (или нет) к решению задачи. А.В. Брушлинский неоднократно подчеркивал эти особенности процесса: «...Мышление выступает в процессуальном плане в тех случаях, когда специально исследуется процессуальный состав мыслительной деятельности, т.е. психические процессы анализа, синтеза и обобщения, посредством которых человек решает мыслительные задачи, причем анализ, синтез и обобщение раскрываются в их психологическом, а не логическом или физиологическом качестве» (6, с.29). Мышление как процесс понимается в качестве исходного состояния мышления, выражающегося в непрерывном взаимодействии субъекта с познаваемым объектом. Мыслительные операции, умственные действия и др. уже сформированные компоненты мышления вырабатываются в мыслительных процессах и погружены в них. Мышление как процесс не противостоит мышлению как деятельности, но является более глубоким уровнем изучения

мыслительной деятельности, раскрывающим психические механизмы, порождающие и обеспечивающие функционирование операционального состава мышления.

Процесс мышления понимается как непрерывный, недизъюнктивный (в мышлении нет строго изолированных компонентов, его составляющие переходят друг в друга), неизоморфный (в мышлении нет однозначного копирования объекта в образе, происходит его обобщение и др.). Главным механизмом процесса мышления является анализ через синтез – изучение личностью объекта через его мысленное или реальное включение в систему связей с другими объектами и выявление на этой основе новых свойств объекта. Анализ через синтез как главный механизм процесса мышления и обеспечивает изначально креативную природу мыслительной активности, где познаваемый объект постоянно выступает для личности в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию. Критериями фаз и уровней мышления как процесса являются: характер прогнозов искомого, которые выдвигает субъект; определенное отражение соотношения условий и требований задачи; принятие-непринятие подсказки; уровень обобщения основных компонентов задачи и др.

Важнейшая составляющая процесса мышления в теории А.В. Брушлинского - прогнозирование: «Мышление как прогнозирование есть частный случай психического как процесса» (10, с.161). В своей докторской диссертации он разрешил одно из основных противоречий мышления, считавшееся на протяжении многих веков «вечной» антиномией. Оно заключается в том, что: 1) если человек знает, что он ищет (при решении задачи), то *зачем* он ищет? 2) если человек не знает, что он ищет (искомое), то *как* может искать? А.В. Брушлинский предлагал рассматривать мышление как процесс прогнозирования искомого и тем самым разрешил данную проблему.

Непосредственную связь с прогностической функцией мышления имеют конкретно-психологические особенности мыслительного решения задачи. В

своих ранних работах Андрей Владимирович на основе анализа собственного богатого экспериментального материала показал различие между искомым и требованием задачи. Это открытие также является фундаментальной психологической закономерностью, имеющей большое практическое значение. До его исследований искомое и требование задачи отождествлялось (см. работы У. Рейтмана, К. Дункера и др.). А.В. Брушлинский доказал, что неизвестное при решении задачи есть основное отношение, которое связывает условия и требования задачи. Неизвестное - это не требование, которое всегда имеется до решения, оно представляет собой искомое, которое человек находит в мышлении через его прогнозирование. Точно так же до сегодняшнего дня мы наблюдаем частое отождествление цели и требования задачи. В исследованиях Андрея Владимировича показано, что цель является понятием гораздо более широким, чем требование. Как правило, требование задачи формируется «со стороны»; искомое же может сформулировать только тот, кто сам ее решает. Хотя бывают случаи, когда человек сам ставит себе задачу (формулирует требования), например при проблемном обучении. Данные выводы крайне важны в теории обучения, где до сих пор большинство психологов и педагогов рассматривает действия учащегося по достижению эталона как мыслительный процесс. На самом деле ученик не знает способа достижения эталона из определенного материала (искомое) и вынужден постоянно отыскивать этот эталон, прогнозируя его содержание. Проблемность является неотъемлемым свойством мышления, которое также постоянно изучалось в теории А.В. Брушлинского (5, 8). Собственные исследования этого аспекта мыслительной деятельности он постоянно соотносил с работами А.М. Матюшкина, Т.В. Кудрявцева, В.В. Давыдова, О.К. Тихомирова.

Андрей Владимирович обращает внимание на важнейшую особенность процесса мышления, подчеркивая, что он «выделяется своей динамичностью, непрерывной подвижностью и изменчивостью, переходящей в развитие, которое всегда представляет собой диалектическое единство устойчивых и

меняющихся свойств» (10, с.175). Поэтому мыслительный процесс всегда индивидуален, характеризуется достаточно сложным сплетением различных ответвлений мысли. Реальный процесс мышления того или иного ученого трудно (практически невозможно) восстановить даже по его публикациям. Необходимо исследовать живое мышление с помощью особого метода. А.В. Брушлинским был предложен и разработан континуально-генетический метод изучения мыслительной активности в сочетании с техниками микросемантического анализа протоколов решения задачи. Данный метод является одним из наиболее трудоемких в психологии, потому что «мышление вслух» испытуемого записывается на диктофон, затем протоколы подвергаются тщательному, пошаговому анализу. Но только такой метод на сегодняшний день позволяет раскрыть процессуальные, непрерывные, целостные аспекты мыслительного поиска.

В связи с этим вызывает недоумение тот факт, что в последние годы некоторые психологи упрекали А.В. Брушлинского в недостаточном использовании математического аппарата в собственных исследованиях, недостаточной «сциентичности» его работ. Это ошибочное представление. Ему были известны новейшие достижения в математике (например, теория нечетких множеств Заде, Рашевского), но в то же время он понимал ограниченность традиционного математического снаряжения и неприменимость его к описанию недизъюнктивной природы процесса мышления. Его континуально-генетический подход (и метод) во многом можно рассматривать как прообраз новой экспериментальной парадигмы, позволяющей раскрыть наиболее глубокие, собственно психологические, динамические характеристики мышления. Самые современные математические процедуры пока остаются инвариантны к этим особенностям мышления. Достаточно важное достижение А.В. Брушлинского - дополнение традиционного «тестологического» подхода исследованием процессуальных составляющих мышления. Всегда, когда это было необходимо и адекватно, он выступал и за использование и специального,

современного оборудования в процессе эксперимента, и за математическую обработку результатов. Об этом, например, свидетельствуют исследования, выполненные под его руководством (14, 17 и др.). Поэтому А.В. Брушлинский вносит собственными исследованиями существенный вклад в экспериментальную разработку психологии мышления.

Мастерство и значительность Андрея Владимировича как экспериментатора проявляются в открытии им немгновенного инсайта (как и в открытиях рассмотренных выше). Проблема инсайта, мысленного озарения, резкого и быстрого изменения течения мышления является классической для теории мышления еще со времен вюрцбургской школы. Брушлинским было обнаружено и отрефлексировано необычное явление – немгновенный инсайт, который, в отличие от мгновенного, протекает более длительно (15-20 с.), и при этом у испытуемого нет окончательной уверенности в правильности решения задачи.

Эта экспериментально выявленная закономерность позволила сформулировать ряд фундаментальных положений в теоретической интерпретации соотношения сознательного и бессознательного в мышлении. В классической теории мышления и творчества факт инсайта был убедительным доказательством для резкого, дизъюнктивного разграничения между сознательным поиском решения и бессознательной работой мысли испытуемого. Основной в творческом процессе являлась бессознательная фаза, на которой и происходила инкубация идеи. Инсайт трактовался как момент мгновенного выхода бессознательного в сознание. Немгновенный инсайт свидетельствует о том, что резкого противопоставления между сознательным и бессознательным в мыслительном поиске не существует. И на сознательных, и на бессознательных фазах мышления присутствует то или иное соотношение осознанного и неосознанного. К сожалению, указанные положения А.В. Брушлинского еще недостаточно осмыслены и оценены в современной

психологии, не соотнесены с трактовкой бессознательного в ортодоксальном психоанализе, в теории установки и других направлениях.

Членение мыслительной активности на процесс и результативные выражения позволило А.В. Брушлинскому по-новому поставить проблему взаимосвязи личности и мышления, личностной обусловленности мышления. На передний план было выдвинуто исследование связи личностных особенностей не просто с операциональным составом мышления, но с тем исходным уровнем мыслительной активности (а именно – процессом), в котором и формируются различные устойчивые способы, операции мышления, а также психические свойства, черты личности. Раскрытие непрерывности мышления позволило поставить проблему изучения мотивационного (личностного) аспекта интеллектуальной деятельности в неразрывной связи с процессуальным.

Исходность мышления как процесса по отношению к сформировавшимся умственным действиям, результативным конструктам мотивации, чувственных образов и т.д. обуславливает и дальнейшую конкретизацию указанной проблематики. Особая роль отводится исследованию процессуальных характеристик в их связи не с готовой и изначально данной мотивацией или структурой мыслительных операций, но с теми составляющими мышления, которые формируются в ходе самого процесса мыслительной активности.

Изначальная непредзаданность, непрерывность мышления как процесса (его основного механизма - анализа через синтез) приводит и к различному соотношению процессуального и личностного планов на разных фазах мыслительного поиска. Это определяется созданием по ходу процесса образований (операций, способов действия, мотивов и др.), которые сами включаются в качестве новых детерминант в анализ через синтез, изменяя и преобразуя его. Следовательно, и детерминация мышления выступает не в

изначально готовой и завершенной форме, а лишь как постепенно формирующаяся.

Основные принципы личностной обусловленности мышления - неотъемлемый компонент в содержании субъектно-деятельностного подхода в психологии, фактически впервые разработанного и сформулированного А.В. Брушлинским. Развитие теории субъекта становится главным делом ученого в последние годы его жизни (11 - 13). Основываясь на традиционной позиции (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова), он вносит ряд принципиально новых трактовок в природу, характер функционирования субъекта в онтогенезе. Понятие «субъект» из личностного свойства, из функциональной организации личности, из предиката становится более общим по отношению к категории «личность», перемещается в ранние стадии онтогенеза. Открытие новых характеристик субъекта и сочленение их с процессуальным подходом к мышлению позволяет выявить особые грани личностной обусловленности мышления, соотношения познавательного и аффективного, регуляции мыслительного поиска.

Вклад А.В. Брушлинского в психологию мышления невозможно переоценить. Он являлся последовательным продолжателем одной из наиболее мощных школ в психологии мышления, основанной С.Л. Рубинштейном. Новизна и фундаментальность его достижений в теоретическом понимании природы мышления, его экспериментальные, методические, прикладные разработки проблем функционирования мыслительной активности субъекта позволяют с уверенностью говорить сегодня о существовании школы А.В. Брушлинского. К сожалению, многие замыслы им не завершены, не создана и лаборатория психологии мышления в ИП РАН. Однако остались его работы, которые будут постоянно переосмысливаться представителями различных наук, его ученики, которые проводят исследования в рамках данного направления.

Список литературы.

1. *Брушлинский А.В.* Культурно–историческая теория мышления. М.: Высшая школа, 1968, 104 с.
2. *Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970, 190 с.
3. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979, 230 с.
4. *Брушлинский А.В.* Проблема общественного–индивидуального в психике человека и культурно – историческая теория //Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология /Отв. ред В.В. Давыдов. М., 1981, с.31-37.
5. *Брушлинский А.В.* О формировании психического //Психология формирования и развития личности /Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981, с. 106—127.
6. *Брушлинский А.В.* Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение. М.; Наука, 1982, с. 5-49.
7. *Брушлинский А.В.* Деятельность, действие и психическое как процесс //Вопросы психологии.1984.№ 5, с. 17—29.
8. *Брушлинский А.В.* Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание. 1983, 96 с.
9. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Из-во ИПРАН, 1994, 109 с.
10. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. Москва—Воронеж, 1996, 390 с.
11. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта (программа учебного курса). М.: ИП РАН, 1998, 28 с.
12. *Брушлинский А.В.* Целостность субъекта – основание для системности всех его качеств //Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории /Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Ин-т психологии РАН, 1997, 576 с.
13. *Брушлинский А.В.* Проблемы субъекта в психологической науке //Психол. журнал, 1991. №6, с.3-11; 1992, №6, с.3-12; 1993, №6, с.3-15.
14. *Брушлинский А.В., Поликарпов В.А.* Мышление и общение. Самара, 1999, 128 с.
15. *Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К.* Эмоции и мышление. М.: МГУ, 1980, 192 с.
16. *Общая психология /Под ред А.В. Петровского.* М.: Просвещение, 464 с.
17. *Селиванов В.В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Москва- Смоленск, 2000, 292 с.